

Толен Абдикулы
Разума пылающая война

Толен Абдикулы

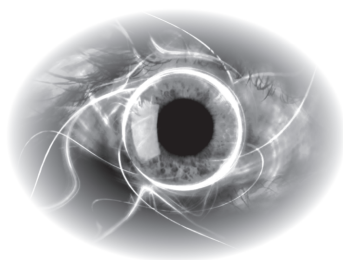
Разума
пылающая
война

FOLIANT

Т о л е н А б д и к у л ы

Разума пылающая война

Повести, рассказы, пьесы

ИЗДАТЕЛЬСТВО
FOLIANT

Астана-2013

УДК 821.512.122=161.1-3

ББК 84(5Қаз-Рус)-4

А 13

*Выпущено по программе «Издание социально важных видов литературы» Комитета информации и архивов
Министерства культуры и информации Республики Казахстан*

А 13 Абдикулы Т.

Разума пылающая война: повести, рассказы, пьесы / пер. с каз. — Астана: Фолиант, 2013. — 568 с.

ISBN 978-601-302-036-5

Творчество известного казахского прозаика и драматурга Толена Абдикулы проникнуто глубоким духовным и философским смыслом, а его произведения поражают остротой восприятия чувств, образов и мыслей.

Заслуженный деятель Республики Казахстан, лауреат премии ПЕН-клуба РК, обладатель Европейской золотой медали Франца Кафки 2003 года, «Человек года тюркского мира» (2013) Толен Абдикулы завоевал признание миллионов читателей не только в своем Отечестве, но и далеко за его пределами. За повесть «Парасат майданы» (в русском варианте — «Разума пылающая война») в 2004 году автор удостоен Государственной премии Республики Казахстан.

В настоящее издание вошли повести и рассказы Т. Абдикулы, созданные им в разные годы, а также пьесы «Нас было трое» и «Ветеран», которые впервые увидели свет на русском языке.

УДК 821.512.122=161.1-3

ББК 84(5Қаз-Рус)-4

ISBN 978-601-302-036-5

© Абдикулы Т., 2013

© Издательство «Фолиант», 2013

ПОВЕСТИ

РАЗУМА ПЫЛАЮЩАЯ ВОЙНА

*«Быть или не быть — вот в чем вопрос.
Достойно ли терпеть безропотно позор судьбы
Иль нужно оказать сопротивление?
Восстать, вооружиться, победить
Или погибнуть, умереть, уснуть?
И знать, что этим обрываешь цепь сердечных мук
И тысячи лишений, присущих телу!
Это ли не цель, что всем желанна —
Умереть, уснуть, уснуть?
И видеть сны?..»*

**Уильям Шекспир. Монолог Гамлета
(пер. Б. Пастернака)**

*Ты должен делать добро из зла,
потому что его больше не из чего делать.*

Роберт Пенн Уорен

*Дневник мне передал один знакомый врач. Кстати,
автор дневника тоже был мой давний знакомый.
Вот уж поистине, как ни велик божий мир, все пути
в нем пересекаются.*

В молодости живем как на шумном, тесном базаре, друзей-товарищей вокруг хоть отбавляй, друг твоего приятеля становится твоим другом, а потом исчезает куда-то, — в суматошной круговерти юности забываются одни лица, появляются новые. Я вспомнил этого человека, с кем на недолгое время сводила нас веселая суeta жизни. В памяти всплывает скуластое бледное лицо... высокий рост... худоба, нет, — какая-то «интеллигентная» хрупкость телосложения. И нрав у него был, очевидно, под стать обличью — чуть что, краснел, задетый каким-нибудь самым невинным замечанием или вольной шуткой приятелей. В компаниях, во время застолья, он сидел в сторонке, предпочитая отмалчиваться и не вступать в шумные споры. И все к нему относились как-то по-особенному, излишне деликатно, словно к гостю-иностранцу, к человеку не от мира сего, и старались его не задевать.

Меня он тогда совершенно не заинтересовал, несколько случайных разговоров за общим столом ничего в моей памяти не оставили, кроме ощущения, что это весьма деликатный, мягкий человек, изрядно начитанный, видимо, из образованной семьи. Сам он в беседу не вступал, и если не втянуть его в разговор, он мог часами молча просидеть рядом.

И, по прошествии многих лет, мое впечатление от встреч с этим человеком осталось таким, будто мы какое-то время вместе путешествовали на одном корабле, вынужденные вежливо общаться, но не сделавшие никаких взаимных

попыток сблизиться. Путешествие закончилось, и впоследствии нам никогда больше не приходилось встречаться.

Теперь я читаю дневники, состоящие из нескольких тетрадей, и никак не могу представить себе, что именно он является их автором.

По записям невозможно составить хоть какое-то представление о его частной жизни, о чередке дней человеческих, веселых или грустных, — дневники выражают сугубо одни размышления и сложные чувства их автора.

Только в самой последней тетради прорисовываются смутные контуры его судьбы. Там некоторые события жизни изложены более подробно, тщательно перенесена на страницы дневника вся «переписка». Похоже, что автор записок все же предполагал: когда-нибудь они попадут в чьи-то руки и привлекут внимание другой души. Вполне естественно. Для чего же человек доверяет бумаге свидетельство своего великого одиночества на земле, — не для того ли, чтобы еще хоть один человек на свете откликнулся на его душевные переживания?

И я полагаю, что иду навстречу этому тайному желанию автора, предлагая читателю именно последнюю и, на мой взгляд, главную часть дневника, где выразились самые яркие меты души незаурядной, захваченной трагическим роком тех, кто ищет в этой жизни истину и оказывается перед непреодолимыми и темными ее противоречиями.

Называть имя автора записок было бы, наверное, неуместным. Будем считать, что это — один из многих неизвестных наших современников, один из тех, кто живет рядом с нами, так и не угаданный в своей сокровенной внутренней сути.

1

13 марта.

Похоже, что-то в моей жизни изменилось. Но что именно, сам еще не знаю, и это беспокоит. Может быть, оно началось давно, а чувствовать стал только теперь — не знаю. Или нервы мои настолько сдали, нет порядка в мыслях, забываю то, о чем только что думал... И в дневнике — есть записи от 3-го марта, а следующие, от 4-го, 5-го и 6-го, почему-то отсутствуют. Только с 7-го марта они снова продолжают. А что делал в пропущенные дни, — хоть убей не помню. О провалах памяти я слышал и раньше. Но с чем это связано — мне неизвестно.

Так ведь и происходит: чем дольше тянется жизнь, тем больше во мгле забвения исчезают люди, встречи, события. Уходят навсегда, словно и не было. И даже то, чему ты придавал когда-то большое значение, проваливается в небытие, забываются даже имена людей, близких в детстве, в юности. Не можешь припомнить старой дружбы; смутно, словно во сне, различаешь своим утомленным внутренним зрением размытые лица тех, с которыми рядом прошли многие дни жизни, уче-

8

бы, работы. И воистину жизнь наша как вода, которая бесследно уходит в песок.

Но вдруг всплывает из глубины памяти какая-нибудь мелкая штучка, нечто такое незначительное, чему ты не придавал никакого значения. Похоже на то, что память человеческая живет по своим законам, у нее своя система ценностей.

Спросишь у врача, отчего такие провалы памяти — ответит, что от переутомления. Можно и так посчитать, и врач будет прав. Переутомиться жизнью — разве это не резонно? Ведь есть отчего и переутомиться. На белом свете чего только ни приходится испытывать, узнавать. Нужного тебе и вовсе не нужного. Приятного и гадкого. Примитивно простого и досадно невнятного. Задумаешься обо всем этом — и теряешься, словно путник, оказавшийся на перепутье дорог. Непостижимы тайны бытия. И кому пожаловаться на великую безответность мира? На кого обижаться? На Бога? На человека?

С Бога взятки гладки. С одной стороны, Он сотворил мир, людей в нем, напутствовал их на милосердие, веру и добро. Что еще нужно? Но, с другой стороны, как не сострадать человеку, который действует по Божьему велению, а последствия расхлебывает только сам.

И Добро, и Зло — о, это умелые спорщики! Вряд ли кого-нибудь из их представителей ты сможешь в чем-либо переубедить. Каждый выступит во всеоружии самых веских доводов и глубочайших аргументов. И каждый из них — выстраивает внутри великолепного Дома Господня свой маленький шалашик и удобно в нем располагается, провозглашая собственный рай в шалаше.

Но человеку, втиснутому в маленький шалаш — как выпрямиться во весь свой рост? Согнутый и пригнетенный, я чувствую свое постоянное унижение, причины которого и названия не знаю. Маленькое, скверное шалашовое унижение!

И под этим гнетом все, что навязано мне умными спорщиками, Добром и Злом, закрывает от меня великолепие божьего мира: игру солнечного света, прелесть природы, душистый настой трав в весеннем воздухе. Головная боль гасит волнение сердца. Погружение в шалашовый мир бесплодного умствования лишает меня остатков радости. Зачем мне все это?

«Наш бранный мир для мыслящих — тюрьма...»?

2

15 марта.

Говорят, человек притерпится и к аду дня за три. Возможно, что так. И на самом деле, — привыкнуть к муке жизни просто необходимо, иначе как существовать на этом свете? Но привычка ко греху, лжи, несправедливости и жестокости — благо ли для нас?

Мы, кажется, уже не обращаем внимания на то, что ежедневно в газетах публикуют о чудовищных мерзостях, творимых людьми, потерявшими облик человеческий. Чьи души смердят, сгнив заживо. Но еще больше меня пугает то, что рядом живут другие люди, не испытывая к этому особенного отвращения. Неужели в силу привычки? Или это то же самое, что и неразумие

зеленых юнцов, которые ради жуткой забавы, доказывая друг другу свое бесстрашие, подбегают и трогают руками человеческий труп? Не ведают юные святотатцы, что творят, потому и безвинны?

Я давно перестал читать газеты. Открой любую, а там черным по белому:

Кто-то изнасиловал и убил свою мать.

Другой изнасиловал и убил свою дочь.

Та убила и выбросила на помойку свое новорожденное дитя.

Миллионерша вышла замуж за своего сына.

Маньяк убивал людей и поедал их мясо.

Мужчина официально женился на мужчине.

Некрофил совокуплялся с мертвецами.

Вот такие у нас делишки. По всему свету. Во всех краях матушки-земли, густо населенной человеками.

И я больше не могу — меня выворачивает от всего этого. Будто наглotalся тухлятины. От омерзения в жилах стынет кровь, словно я провалился в яму уличного сортира. И нет возможности отмыться от дерьма!

А мирные граждане, что рядом со мной, словно ничего не замечают, живут себе спокойно. Как будто посвящены в некое высшее знание, обладают философским камнем, превращающим все это дерьмо в хлеб насущный. И, владеющие тайной мудростью, готовы узаконить всю эту мировую мерзопакость.

Известны древние сказки про дракона, который требовал время от времени человеческих жертвоприношений. И драконьим подданным деваться было некуда, — выбирали самую красивую девушку, чтобы чудовище

осталось довольным, и скармливали ему. Тем самым на какое-то время обретали для себя покой и безопасность.

Похоже на то, что и поныне вселенское чудовище довлеет над человечеством, потрясает его кровавыми войнами, грозными тайфунами и землетрясениями, насылает эпидемии страшных болезней, голодные моры, собирая с человеческого рода свою безжалостную дань. Но, словно не довольствуясь всем этим, дракон вселенский требует, чтобы принесена была ему в жертву сама человеческая духовность.

Прав Бальзак, заметивший: «На земле ничто не осуществляется в такой полной мере, как несчастье человеческое».

Ну да, в газетах охотно сообщают о надвигающихся ядерных, экологических, космических катастрофах, предвещают даже о возможности нового мирового потопа — причем, все это преподносят не в виде дешевых сенсаций, а как вполне достоверные научные прогнозы. Точное время глобальной беды, как правило, не указывается. Так для чего нам все эти лишаящие покоя предсказания?

Конечно, вполне можно предположить, что когда-нибудь солнце потухнет, жизнь человеческая на земле исчезнет, словно бы ее и не было, и высокая мыслительность человеческая, чудесное дитя мироздания, канет в Лету, унеся с собой в хаос небытия свои радости и страдания, надежду и отчаяние, все то, что придавало смысл и украсило Вселенную разумной нравственностью. Однако как смириться с тем, что собранная тысячелетиями томительного ожидания и долготерпения, — капля за каплей, — доброта человеческая, милосердие,

сострадание к чужой боли, любовь и самопожертвование исчезнут во тьме первозданного хаоса? Все это уйдет в пустоту холодного космоса?

Впрочем, сколько бы ты ни ломал голову над этим, ничто в мире не изменится. И газеты зря суетятся, расстрезвонивая о том же самом, все о том же самом...

Одному лишь Богу известно, каким будет конец человечества. И когда он настанет. И по какой причине произойдет. Может быть, действительно повторится история с Ноем — будет всемирный потоп. А возможно, ничего такого не повторится. Что-нибудь другое нагрянет — и жизнь начнется сызнова от ничтожных бактерий. И вновь понадобятся миллиарды лет, чтобы появился человек с его высоким разумом.

И все же, если этому миру суждено погибнуть, и он доживает свои последние дни — о, как хотелось бы уйти из него в огне космической катастрофы или унесенным великой горой водяного вала, но сохранив в душе своей хоть остатки того высокого человеческого достоинства и уважение к самому себе. А не быть стертым с лица Земли как ненужный, мерзкий биологический слизняк, изживший себя изнутри, опустошенный, истлевший от смрадных миазмов собственных грехов.

3

25 марта.

Говорят — болезни тела от дурной пищи. От мрачных мыслей — болезнь души. Может быть, и так. Что бы там ни было — но я уже седьмой день в больнице, обнесенной

высоким бетонным забором. Маленькая одноместная палата, приют для многих и многих, пребывавших ранее здесь, служит моим прибежищем. Оно выглядит столь же невзрачно и убого, как и казенная одежда, в которую меня вырядили. Весь вид на божий мир отгораживает стена высоченного многоэтажного здания, и только справа, в конце этого дома и перед торцом следующего, узкой полосой светится кусочек вольного неба. И там, очень далеко, можно различить макушку горной вершины.

Зарекся, было, — чтобы не тревожить душу о безвозвратно проходящих днях, — забыть про дневник и не брать в руки перо. Но сегодня не выдержал, и тому есть особенная причина. Довольно странный, необъяснимый случай заставил меня вновь обратиться к своим записям.

Утром собираясь принять лекарство, я протянул руку к стакану с водой на тумбочке и вдруг увидел сложенный вчетверо лист бумаги.

Никогда не забыть мне этот момент... Лист желтоватой дешевой бумаги. Неразборчивая роспись на ней. В почерке — что-то знакомое, словно принадлежит человеку, которого я знал. Но уже не вспомнить, кто это... С непонятым страхом, будто опасаясь взрывного устройства, я развернул бумагу и стал читать:

«Мой незнакомый друг! Во-первых, извините! Я без вашего ведома читал ваш дневник. Но прочтение сего невольно заставило меня взяться за это письмо. Вы меня буквально принудили — побудили к самым глубоким размышлениям, к внутреннему

диалогу с вами. Еще раз прошу прощения, что без вашего разрешения посмел залезть в ваши бумаги.

Но к делу! Нетрудно понять, что вы отважно вознамерились заняться весьма рискованным делом, которое называется на языке скептиков поисками смысла жизни. Почему «на языке скептиков»? Да потому что дело это на самом деле очень рискованное, и неблагодарное, и безнадежное... Впрочем, не хочу вас сразу же огорчать, а наоборот — пожелаю самого доброго и, главное, безопасного путешествия в грандиозный мир духа, где ждут вас весьма нелегкие испытания. Удачи вам, мой отважный друг!

На мой взгляд, существующее устойчивое мнение о том, что человеческая жизнь представляет собой вековечную борьбу Добра и Зла, отнюдь не бесспорно. Хотя бы и потому, что эти начала разделить друг от друга, расплести их, как аркан, и разложить по разным сторонам невозможно. Столь же невозможно, как и выхватить любого из уличной толпы и выявить доподлинно, сколько в нем содержится «хорошего» и сколько «плохого». Такое представление о человеке, согласитесь, было бы наивно и вовсе не истинно. Для врагов он мерзавец, для любящей жены — дорогой и бесценный, для друзей — симпатяга и самый добрый малый. Так каков же он на самом деле? А ведь даже любовь и ненависть избирательны по отношению к человеку не по признакам того, насколько он ближе к добру или злу. То есть, в человеке мы принимаем не одно только хорошее, и не отрицаем в нем все только плохое.

Сколько угодно примеров, когда «хороший» дружит с «плохим», добрый человек с злодеем, — и наоборот, когда два вполне порядочных, добродетельных человека смертельно враждуют друг с другом. Значит, жизнь — это не только противоборство Добра и Зла, но и столкновение добра с добром, и зла со злом. Итак, мы вынуждены признать, что Добро и Зло суть понятия условные, субъективные, для разных людей совершенно противоположные. Однако, это всего лишь незначительная часть поставленной мною проблемы.

Самое же главное и самое любопытное в том, что пресловутые Добро и Зло — как сиамские близнецы, неразрывно срослись между собою и не могут существовать один без другого.

Есть, вы знаете, в китайской философии понятия Ян и Инь, светлое и темное начала, небо и земля, верх и низ. И есть понятие цикличности, когда со временем одно переходит в другое. На круговращении этих переходов в противоположное и стоит мир, и если перевести эту философию в наш человеческий, мелкий, житейский ряд, то получается следующее.

Считается, что вода — основа жизни. Чтобы поливать сады, орошать поля и пастбища, люди возводят плотины, устраивают водохранилища — накапливают воду для использования ее во благо себе. В этом случае она проявляется как созидательное начало Ян.

Но та же самая вода в пору весеннего разлива рек сносит плотины, смывает дома и уничтожает на своем пути все живое: те же сады и поля,

диких и домашних животных, людей. И тут уже, достигнув критического момента, благая стихия превращается в разрушительную силу и выступает в противоположном качестве — И н ь.

Но постепенно бурное половодье смирится, успокаивается, реки уходят обратно в свои прежние берега, и живительная вода снова становится благом для людей. Однако надо подождать следующей весны, когда сила Я н вновь может обернуться губительным началом И н ь. И так — из года в год в бесконечном круговороте времен. А сама природная стихия, столь изменчиво предстающая то добром, то злом для жизни, одна и та же — вода. Все та же самая вода!

Какой же следует отсюда вывод? Не из одного и того же вещества состоят эти наши кажущиеся разными — Добро и Зло? И возможно ли их разделить, разложить по разным сосудам? И насколько это необходимо? Подумайте, как следует, об этом.

Мой незнакомый друг! Не кажется ли, что мы еще о многом можем с вами поговорить? Читайте, что мое письмо — это всего лишь начало разговора. Было бы очень приятно и полезно сойтись поближе и поделиться своим сокровенным... Раскроем души друг другу! И пусть в этой унылой жизни заведется у нас маленькая тайна. Решитесь написать мне ответ — положите свое письмо в нижний ящик стола, что стоит в коридоре.

Ваш неизвестный сверстник»

Удивленный и немного встревоженный, — не знаю, чем, — я еще раз перечитал письмо от начала до конца. И, словно холодная струя, проник в мое сердце некий страх. За мною следят? Кто-то бесцеремонно читает мой дневник? Каким образом письмо попало ко мне в палату? Ведь никто, кроме медсестры, не входил ко мне. Значит, в мое отсутствие кто-то заглядывает сюда? Но если я кого-то интересую, то зачем эта слезка? Мог бы прийти открыто и познакомиться. Нет же — секреты какие-то, таинственное письмо...

В тревоге расхаживаю по палате, не чуя ног под собой. Будто плыву по воздуху, как во сне. Но — спокойно! Спокойно. Все обдумать. Взвесить. Пусть будет так. Мало ли какие бывают причуды у людей. И не забывай, что ты в психиатрической лечебнице. Тут чудачков разных хватает...

Успокоив себя подобным образом, я решил не придавать большого значения происшествию. Не стоит волнений... В 11 часов ходил на занятие по аутотренингу. Сеанс проводила молоденькая белолицая девушка, которую я раньше не видел. Очень приятная. Когда говорит, ее верхняя губа на углах изгибается в милой ужимке. И серьезная вроде, и улыбается в то же время. Зубы жемчужные. Взгляд лучистый, светлый, ты словно омываешься в этих лучах, когда она задерживает глаза на тебе.

— Вы расслабились... вас охватило приятное чувство блаженства... вы словно погружаетесь в легкий сон... вы погружаетесь в сон... погружаетесь в сон... — произносят эти улыбчиво-серьезные губы. Подключается музыка,

вначале тихая, издалека, затем все более звучная, нарастающая, словно неземная, убаюкивающая — и уносящая в иные пределы, где нет места нашим тревожным человеческим чувствам. И только там начинаешь ощущать, освободившись от всей этой брэнности бытия, что такое бесконечность, беспредельность, свобода...

И вот ты сидишь на мягком, зыбком берегу лазурного озера, а над тобой развернулась широкая многоцветная радуга. Позади тебя, обнимая душистыми запахами свежих трав, раскинулась зеленая равнина, цветущий джайляу, и дух теплой зелени щекочет твои ноздри.

Кто-то издали идет к тебе, призывно взмахивает руками над головою, — приближается несущий тебе счастье, вот уже совсем близко, почти рядом, можно коснуться его рукой...

— Теперь просыпайтесь... — раздался вдруг голос, словно просочившись сквозь длинный резиновый шланг. — Вы уже проснулись... вы наполнены бодростью... ваше тело стало легким, как воздух, ваши мышцы наполнились упругой силой, глаза полны блеска, вы готовы взлететь... Просыпайтесь! Просыпайтесь скорей!

Неохотно открываю глаза, зеваю и потягиваюсь, и вижу перед собою девушку-психотерапевта с улыбчивыми глазами, которая смотрит на меня, как на маленького ребенка. Кажется, готова погладить по голове.

— Очень хорошо! Молодцом! — бодро произносит она, и непонятно мне: то ли она хвалит нас, уснувших на сеансе, то ли самую себя, успешно завершившую урок аутотренинга.

Поначалу мне было не по себе, как человеку, сконфуженному тем, что кое-какие интимные тайны его души стали доступны посторонним. Я даже стал потихоньку озира́ться, подозрительно вглядываясь в соседей, но тут же и успокоился. Все, так же как и я, выходили из транса, зевая и потягиваясь, вид имели несколько смущенный. Значит, не один я оказался в таком положении. Ладно... Окончательно придя в себя, я поднялся с кресла и лениво побрел в палату.

4

26 марта.

Что-то неблагополучно со мною. Ночью видел нехороший сон. Иду по темному коридору, лампочки не горят. На пути всякий хлам, ящики какие-то, железяки торчат. Продвигаюсь на ощупь. Похоже, куда-то спешу, стараюсь идти быстро. И внезапно чем-то острым полоснуло меня по шее. Едва успел заметить, что это мог быть кинжал, замурованный рукоятью в стену. Никакой боли я вроде не ощутил, но заметил, что голова стала мотаться из стороны в сторону, и машинально ухватился за нее рукой. Оказалось, что шея перерублена почти полностью, и голова держится на одной только полоске кожи. Ощущение было отвратительным. Далее пришлось продвигаться вперед, одной рукой прижимая голову с макушки, а вторую руку вытянув, как слепец, и прощупывая стену. Идти надо очень осторожно, чтобы ненароком не споткнуться обо что-нибудь, не то голова

свалится с плеч и укатится в темноту. Попробуй, найди ее потом. А коридор тянется бесконечно. Неужели я обречен вечно брести по нему — и в таком положении? Беда!.. Но выхожу наконец в какое-то просторное помещение. Похоже на холл гостиницы. Потолок высокий, светло. Кругом полно народу. Осторожно присел в кресло. И, решившись, рывком оторвал голову напрочь. Отложил ее на соседнее кресло. Проходившие мимо люди удивленно косятся в мою сторону. Меня охватывает дикий конфуз, я подбираю какую-то газету и быстро накрываю свою голову. «Какой стыд! — думаю. — Как теперь выпутываться? Куда спрятать эту голову?»

Кажется, мне надо было куда-то спешить. А теперь что делать? Без головы-то... Я осторожно приподнимаю газетный краешек и вижу — *вижу!* — что она лежит на месте. Надо бы от нее скорее избавиться... Так и мучаюсь, сидя на месте — пока не просыпаюсь.

Некоторое время лежу, охваченный ужасом. Сердце бешено колотится. Наконец что-то начинаю соображать и думаю: как это я мог видеть свою голову, если она была оторвана и лежала в стороне? Да при этом еще и думал о чем-то. Чем смотрел, какую это г о л о в о ю я думал? Абсурд полный. Но ведь все происходило так явно, отчетливо! Помню каждое ощущение.

После долго не мог уснуть. Полумгла палаты и жиденький свет с улицы в окно, смешиваясь, создавали вокруг вязкий раствор бредовой тревоги. Но прополз сквозь завесу неживого света вполне настоящий, знобкий, колючий сквознячок, найдя какую-то неведомую щель в моем крепко запертом больничном каземате...

Кошмар оказался прилипчив, как надоедливая муха, которую никак не отогнать. Стоило только закрыть глаза, как тут же возникала в них запрокинутая на кресле голова с ключьями красного мяса на месте отсеченной шеи.

5

27 марта.

Что может быть страшнее, когда человек начинает бояться самого себя? Твой внутренний мир становится дик и непонятен, как жуткий лес, в котором ты заблудился. Охватывает панический страх, что тебе уже никогда не выбраться из него. И вдруг ты чувствуешь, что тебя уже нет, и это *кто-то другой* блуждает в дебрях дремучего леса. Ты стал посторонним по отношению к самому себе.

И однажды, словно мышь, ты испуганно выбегаешь из норки собственной души и с робким изумлением взираешь на мир внешний.

И какой бы на первый взгляд ни представилась жуткой наша жизнь, но есть, есть в ней что-то утешительное для нас. Смотрите — это солнце! А вот и толпы людей, таких же, как и я. Мы суетимся, бежим куда-то, и нас сопровождает музыка бытия — многозвучие этого единственного для нас мира, в котором и бытуют все наши желания, страсти, надежды. И постепенно возвращается к тебе естественное чувство жизни, и представляется уже, что есть в ней и цель, и разумное начало, и причинность всего происходящего в ней.

А сейчас моя первоочередная задача — найти того человека, который написал мне странное письмо. Необ-

ходимо прекратить эту игру в мнимую таинственность. Для чего нужно ему затевать подобные жмурки? Словно разведчик во вражеском стане, я крадусь по двору больницы и пристально, изучающе вглядываюсь в каждого, кто попадается мне навстречу. Я уверен, что стоит только заглянуть е м у в глаза, как тотчас же он будет мною узнан.

Должен сказать, что во время поисков своего таинственного сверстника я сделал для себя следующее открытие. Мы проживаем жизнь, весьма поверхностно относясь к ней, и мало что знаем о людях. Ведь пока я только вглядывался в сумасшедших на нашем больничном дворике, которых видел каждый божий день, и то обнаружил столько разнообразных типов! А ведь раньше они казались мне все одинаковыми, все на одно лицо.

Вот этот рыжеватый, с жиденькими волосами, раньше казавшийся мне угрюмым молчуном, на самом-то деле оказался великим охотником поговорить о своей родословной. Признакомстве, прежде чем представиться, назвать свое имя, он ухватил меня за рукав и начал сыпать именами своих предков, хвастаться их великими подвигами, пространно рассказывать о том, кто из них во времена оные ездил к самому русскому царю, а кто стал выдающимся ученым. Достал меня своей болтовней основательно! Едва до нервного срыва не довел.

А вот этот лысый толстяк, старательно прилизывающий жалкие остатки волос с висков на плешивую макушку, при каждой встрече угрожающе надвигался на меня и неизменно раздражался тирадой: «Эй, братишка, да знаешь ли ты, кто я? Не знаешь? Да в этой стране нет